

★
МОМЕНТ ИСТИНЫ

Триумф ВОЛИ

Сергей Зверев

СМЕРТЬ ШПИОНАМ!!!

Момент истины

Сергей Зверев

Триумф воли

«ЭКСМО»

2007

Зверев С. И.

Триумф воли / С. И. Зверев — «Эксмо», 2007 — (Момент истины)

В конце войны Мурманск стал головной болью Вермахта. Ведь через морские ворота города страны-союзники поставляли СССР сырье для производства вооружения. Гитлер лично приказал использовать для уничтожения порта новейшее оружие «ФАУ-2». Для проведения сверхсекретной операции привлекли лучших людей Германии – штандартенфюрера СС Курта Меера, изобретателя «ФАУ-2» Вернера фон Брауна и даже знаменитого кинорежиссера Лени Рифеншталь, ведь подготовку операции проводили под видом съемок нового фильма «Триумф воли-2». В день проведения операции самонаводящиеся на расставленные лазутчиками радиомаяки ракеты поднялись в небо и... полетели совсем не туда, куда рассчитывали немцы...

© Зверев С. И., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Зверев

Триумф воли

Глава 1

Из-за густой пелены мелкого, но довольно плотного дождя трудно было различить, что происходит на расстоянии всего в каких-нибудь пятнадцать-двадцать метров. Отчетливо были слышны только отрывистые военные команды да размеренный шум моторов «Майлервагенов», но рассмотреть, что же происходит вокруг, не было никакой возможности.

Впрочем, небольшой группе людей, которые обосновались в уютном домике прямо посреди окриков, железного лязга и рокота двигателей, ничего не надо было рассматривать. Они, несколько высокопоставленных офицеров в форме СС и трое человек в гражданском платье, прекрасно знали, что за толстыми стенами их наблюдательного пункта из глубоких, тщательно укрытых бетонированных шахт, под неусыпным наблюдением вышколенных специалистов, «Майлервагены» извлекают, подвозят и устанавливают на «столы» невиданное доселе, страшное и сокрушительное оружие – ракеты «Фау-2».

Этот предрождественский вечер 43-го года выдался холодным и дождливым не только здесь, на севере Франции в предместьях Па-де-Кале. Непроглядная пелена холода, разочарования и уныния уже давно опустилась над всей Германией.

Даже Берлин, город, который должен был стать оплотом, силой и гордостью Тысячелетнего рейха, стал похож на разоренный муравейник, по которому бесцельно снуют тысячи бездомных людей. Со скелетов разрушенных домов лоскутьями свисает разорванная во многих местах маскировочная сеть, которую натянули над Шарлоттенбургским шоссе, чтобы сбить с толку английских летчиков. Британские ВВС стали безраздельными хозяевами берлинского неба и, пользуясь этим, планомерно разрушают столичные кварталы, мстя за варварские бомбардировки Лондона.

Крысы безбоязненно шныряют среди бела дня вокруг разрушенных канализационных люков и прямо по улицам, на каждом углу служащие Армии спасения раздают миски с бесплатным супом тысячам и тысячам берлинцев, оставшимся без крова. Многие из них обустроиваются жить прямо в бомбоубежищах, почти не выходя на улицу. Нет больше трубочистов, несмотря на страшный холод нет угля и нет разносчиков угольных брикетов, нет стекол, нет стекольщиков, нет продавцов сосисок. Даже в элегантных кварталах Тиргартена уже больше не видно аккуратно одетых нянечек, которые раньше всегда прогуливались с колясками среди статуй «победителей». Теперь эти статуи разбиты, и их осколки валяются среди закопченного снега, посыпанного сажой и кирпичной пылью...

– Хайль Гитлер! – генералы СС и люди в штатском почтительно встают, выбросив руку чуть вверх. В наблюдательный пункт, расположенный неподалеку от темных вод пролива Ла-Манш, вошел Вернер фон Браун – «крестный отец» и руководитель проекта, создатель чудооружия, любимец самого Адольфа Гитлера. Он снял и повесил мокрый плащ, жестом пригласил присутствующих сесть, сам уселся в высокое кожаное кресло, внимательно осмотрел всех присутствующих и, выдержав небольшую паузу, начал свою речь:

– Господа, всего через несколько минут все мы станем свидетелями исторического события, – он с глубокомысленным видом воздел к небу перст. – Первого залпа по Лондону нашим новым «Vergeltungswaffe» – оружием возмездия. Завтра или, может быть, послезавтра вы будете докладывать об этих стартах фюреру, и я хочу, чтобы ничего не ускользнуло от вашего внимания, ибо от вашего мнения и ваших слов будет зависеть будущее Германии – ни больше ни меньше. Руководствуясь именно вашими докладами, фюрер будет принимать решение о

том, развернуть ли работу и производство ракет «Фау-2» в полном объеме или закрыть этот проект и передать финансирование на разработку других видов оружия. Абсолютно точно знаю, что за этот финансовый кусок бьются несколько ведомств, в том числе и министерство Германа Геринга. Я не хочу навязывать вам свое мнение и расписывать достоинства моего детища. Сейчас, когда Германия переживает, пожалуй, самый тяжелый период в войне с большевиками, когда английские головорезы вот-вот высадутся в Нормандии, ошибка может грозить катастрофой. Поэтому ваше суждение должно быть абсолютно независимым. Не так ли? – конструктор снова оглядел присутствующих, и те, соглашаясь, закивали. Вернер фон Браун взглянул на часы и неспешно продолжал:

– До запуска осталось ровно восемь минут. В пределах этого времени я готов ответить на ваши вопросы. Даже самые некорректные. Итак, я слушаю.

– Ну, что ж, если вы так настаиваете, то... Герр конструктор, – тут же начал один из присутствующих, с погонами и петлицами, соответствующими званию группенфюрера СС, – всем нам известно, что английские средства ПВО научились ловко бороться с еще одним вашим дорогостоящим детищем – самолетами-снарядами «Фау-1». Еще на подлете британцы засекают их радарами, поднимают в воздух истребители, и едва ли пятая часть из них долетает до цели...

– А кроме всего, еще аэростаты заграждения, зенитные орудия! – фон Браун был весел.

– Вот именно, – согласился с ним высокопоставленный эсэсовец. – Каждая такая ваша ракета стоит не один десяток тысяч дойчмарок. Получается не совсем хорошая математика. Грубо говоря, из миллиона дойчмарок до британской столицы долетают едва ли сто тысяч, – группенфюрер поерзал в кресле и продолжал: – Возникает правомерный вопрос эффективности таких затрат. Скажите, герр конструктор, какой мощности заряд несет ваша ракета?

– Около тысячи тонн, – все так же беззаботно ответил конструктор.

– Это всего лишь две пятисоткилограммовые авиационные бомбы, – уточнил его визави.

– Именно так.

– В таком случае, не проще ли атаковать Лондон с помощью сотни-другой обычных фронтовых бомбардировщиков? Ведь, как я понимаю, Геринг требует средства на создание именно таких, маневренных и мобильных машин, способных нести около трех тонн бомбовой нагрузки?

Фон Браун ожидал этого вопроса, поэтому саркастически улыбнулся и начал терпеливо, как непонятливым ученикам, объяснять суть своего изобретения:

– Видите ли, поскольку вся война в Британии легла не на наши победоносные сухопутные силы, а на «соколов Геринга», то есть авиацию, англичане, начиная с сорокового года, только и думали о том, как защитить свою столицу и создать надежный воздушный щит, – спокойно начал конструктор свой ответ. – И, надо сказать, изрядно поднаторели в этом вопросе. Как вы думаете, – обратился к присутствующим барон, – почему германские ВВС практически перестали совершать на британскую столицу воздушные налеты?

– Ну-у-у... – неуверенно протянул кто-то, но Вернер фон Браун, экономя время, не стал дожидаться ответа и продолжал:

– Правильно. Потому, что из десятка фронтовых бомбардировщиков до цели долетают два, максимум – три. Все те же радары, истребители, зенитные орудия, аэростаты заграждения, – фон Браун сделал поклон в сторону эсэсовца. – Самолеты уничтожают, вместе с их пятисот- и тысячекилограммовым грузом. В этом смысле бомбардировщики ничем принципиально не отличаются от «Фау-1». Ни ценой, ни потерями. Разве что мои ракеты – беспилотные, а в каждом воздушном судне сидят вышколенные немецкие летчики, которые десятками гибнут в водах Ла-Манша.

«Фау-2», господа, – принципиально новое оружие. Это – баллистическая ракета. Что это значит? Только одно – что скорость и высота полета исключают даже мысль о каком-либо

обнаружении, предупреждении, перехвате и даже об объявлении воздушной тревоги. И потом, стоимость семи сбитых бомбардировщиков гораздо больше, чем затраты на одну «Фау-2», – улыбнулся конструктор, – я уж не говорю о потерях наших летчиков.

– И каков же у нее потолок высоты и скорости? – не унимался генерал.

– Высота полета порядка 90–95 километров, а скорость – около пяти с половиной тысяч километров в час, – невозмутимо ответил фон Браун, снова глянув на часы.

Генерал только-только начал что-то усиленно высчитывать в уме, как в разговор вмешался штатский:

– Выше скорости звука? – удивленно спросил он.

– Совершенно верно, коллега, – ласково улыбнулся ему конструктор.

– А какова дальность полета?

– Около 250–300 километров, – сыпал цифрами барон фон Браун.

– А вес ракеты?

– Около тринадцати тонн.

– Господин барон, вы, наверное, ошибаетесь! Видите ли, этого просто не может быть! – растерянно пробормотал господин в штатском, импульсивно протирая линзы очков. – Этого не может быть! В принципе, конечно, теоретически – да, но практически...

Дверь убежища бесшумно отворилась, и на пороге наблюдательного пункта, который сейчас одновременно служил фон Брауну рабочим кабинетом и гостиничным номером, выросла фигура военного, плотно укутанного в черный непромокаемый плащ.

– Все радиомаяки на том берегу Ла-Манша установлены? – коротко поинтересовался у него фон Браун.

– Так точно. Установлены и активированы, герр конструктор, – кивнул офицер.

Барон удовлетворенно хмыкнул, довольно и нетерпеливо потер ладони, снова взглянул на часы и жестом приказал офицеру продолжать работу.

– Господа! У нас есть еще две минуты! Я готов отвечать на вопросы! – великий конструктор был явно в хорошем расположении духа. Но вопросов больше не последовало, и, чтобы ожидание старта не проходило в гнетущей могильной тишине, фон Браун позволил себе несколько слов.

– Я не случайно выбрал именно вечер и именно такую дождливую погоду, – сказал он. – В такую погоду невозможно поднять в воздух истребители. В такую погоду ни одно средство ПВО попросту не разглядит цель. «Фау-2» не сможет запеленговать ни один радар. Как уже сказал коллега, – Вернер фон Браун кивнул в сторону господина в штатском, – мою ракету невозможно услышать. И в такую погоду – невозможно увидеть. Это то, что должно стать настоящим «Vergeltungswaffe».

– А что вы, простите, если это не секрет, говорили о радиомаяках? – робко поинтересовался один из штатских.

– Как вы знаете, предыдущие ракеты «Фау-1» бомбардировали Лондон вслепую, – нетерпеливо начал пояснения Вернер фон Браун. – Высчитывалась траектория, и осуществлялся запуск. Ракеты летели по принципу, что по такой огромной цели, как Лондон, промахнуться практически невозможно. Они долетали и падали в самые разнообразные и случайные места. Как и куда получится. Для ракет «Фау-2» разработан новый принцип. В головной части у них располагается радиорадар. Наши люди на том берегу Ла-Манша устанавливают радиомаяки в нужных местах, скажем, неподалеку от завода, фабрики или казарм, и активируют их. После старта ракета принимает сигнал и словно по световому лучику идет точно туда, откуда идет сигнал. Одним словом, мы теперь можем лупить не слепо, а выбирая только нужные и конкретные цели. Наша малютка «Фау-2» стала зрячей.

Наступила тишина. Каждый из присутствующих пытался представить момент, когда это страшное оружие приблизится к цели. В полном молчании слышалось только непрерывающееся бормотание:

– Этого никак не может быть...

– Время! – вдруг резко и чуть-чуть нервно выкрикнул ученый и первым подошел к смотровому окну. За ним последовали другие.

– Коллега, – подозвал фон Браун бормочущего человека в штатском, – пожалуйста поближе. Я сейчас постараюсь развеять все ваши сомнения.

Все уставились в окно, пытаясь разглядеть за стеной дождя хоть что-то, но ничего видно не было, кроме усеянного мелкими дождинками мокрого бронированного стекла.

Но уже спустя всего мгновение вдруг раздался оглушительный грохот, и в темноте ночи один за другим стали распускаться огненные цветы. Один, второй, третий... Они разгорались все ярче и ярче, раскаляясь добела. И когда глазам стало невыносимо больно смотреть, цветы начали отрываться от земли. Это было фантастическое зрелище! Воистину, Вернер фон Браун любил и умел преподносить себя эффектно! Двенадцать ракет сперва медленно, а затем все быстрее и быстрее одна за другой стали подниматься в небо, удаляясь и превращаясь в маленькие звездочки на фоне совершенно черного неба.

– А куда они полетели? – спросил группенфюрер, задрал голову и открыв рот.

– Курс – на Лондон! – победно ответил фон Браун. Он уже оставил живописную группу у смотрового окна и теперь на правах хозяина достал из шкафчика шампанское и бокалы. – Ракета самонаводящаяся, работает по радиомаяку. Для точного попадания нужно только активировать на цели маячок. Что и было сделано.

– И кто это делает? – присутствующие уже потеряли из виду ракеты и теперь возбужденно толпились вокруг хозяина, разливающего по бокалам шампанское.

– Агенты, господа, опытные агенты. И смею вас заверить, – добавил ученый, – что все мои двенадцать крошек достигнут цели.

– И какова же цель?

– Пока что самая безобидная, – конструктор безразлично пожал плечами. – Нам некогда проникать на территорию военных баз. Да и цель сегодняшнего запуска не столько военная, сколько политическая. Устрашение. Через несколько минут с лица земли исчезнут несколько крупных домов британской столицы вместе с их жильцами. Ну, господа, с наступающим Рождеством!

– С Рождеством! С Рождеством! Хайль Гитлер! – руки потянулись, и хрустальные бокалы зазвенели хрустальными боками, наполняя бетонированный бункер радостным серебряным звоном.

Глава 2

– С Рождеством! С Рождеством, друзья! – пивные бокалы глухо стучали боками, выплескивая пену. В одном из предместий Лондона – Челси – в это вечернее время двери пабов почти не закрывались, и такие дружеские посиделки «кокни» – лондонских пролетариев – были обычным явлением. Почти ежедневно они после смены, если не было воздушной тревоги, прежде чем вернуться домой, зачастую собирались за кружкой-другой пива посудачить, обменяться новостями, потолковать о семьях, продовольствии, большевиках, войне вообще и политике в частности. Кто-то осуждал Черчилля за то, что он медлит с высадкой британских полков в Нормандии, другие же, наоборот, всячески одобряли его, ругая за то, что, верный союзническим обязательствам и под нажимом Москвы и Вашингтона, он вообще дал согласие на такую провокационную авантюру, как открытие второго фронта во Франции. Мало полегло английских парней в Африке, при бомбардировках и на море, так еще надо лезть прямо в пасть дьявола! Вот и сейчас, залпом отпив по половине бокала, «кокни» вернулись к прерванной беседе.

– «Битву за Англию» боши уже проиграли, – уверенно произнес верзила, отирая плотную белую пену с рыжих усов. – Мой зять служит в авиаполку бомбардировщиков, и вчера был в увольнении. Так вот он рассказывал, что на пути к Берлину можно быть сбитым только зенитками. И то случайно. У фашистов не осталось истребителей, чтобы перехватывать наши бомбардировщики. Да и многие позиции зенитных орудий мы размолотили. Так что путь к Берлину сейчас напоминает легкую и безопасную прогулку.

– Да-а-а, наши летчики изрядно потрепали «непобедимых соколов Геринга», – поддержал его товарищ.

– А еще, – продолжал верзила, завладев на некоторое время вниманием работяг, – зять рассказывал, что у нас теперь появились новые радары. Они засекают самолеты бошей еще тогда, когда они только-только поднимаются со своих аэродромов. Так что у наших военных есть минут сорок, чтобы хорошенько подготовиться и встретить немцев как положено, по всем правилам английского гостеприимства!

Рабочие дружно захохотали, оценив шутку, и один из них добавил:

– А у нас есть сорок минут, чтобы спокойно допить свое пиво и в случае чего – неторопливо спуститься в бомбоубежище! За нашу авиацию!

Тост был единодушно принят, и по всей пивной снова дружно застучали кружки:

– За британскую авиацию!

Рабочие заказали еще по бокалу, и неспешная беседа продолжалась.

– А помните, как лорд «Гау-Гау» еще в 39-м предлагал сдаться немцам? – Слушатели закивали. – Я бы за такие речи вышвыривал из правительства, а эта свинья до сих пор протирает штаны в палате лордов.

– Лорд лорду глаз не выклюет, – снова отреагировал перефразированной шуткой верзила, и рабочие дружно поддержали его новым взрывом смеха.

– Слава богу, сейчас не 39-й и не 40-й годы. И слава богу, что в войну ввязались русские. Тяжело бы нам было одним противостоять Германии и всей Европе.

– Вот и рождественский тост! – подытожил верзила, и все снова потянулись к бокалам. В дальнем углу кто-то уже затянул шуточную песню про нацистов:

У нас это не пройдет, не пройдет и не проедет,
У нас это не пройдет, не пройдет никак...

За столиками подхватили мелодию, и скоро весь квартал слушал нестройное пение подвыпивших «кокни».

– Вот что, приятель, – заговорщицки наклонился к уху товарища верзила. – Пойдем-ка посидим в другом месте. Да не за этим дрянным пойлом, а возьмем бутылочку джина. Отметим наступающее Рождество как положено.

Не прекращая пения, приятель кивнул, и спустя пять минут, расплатившись с трактирщиком, работяги выбрались из душной и прокуренной пивной на свежий воздух. Наступило время вечернего моциона, и на улицы высыпало множество народа: мамы с колясками, влюбленные парочки, толпы военных, догуливающих свои увольнительные, офицеры с подругами и без, школьники, спешащие со службы клерки и рабочие. Среди гуляющих царило веселое предпраздничное настроение, многие несли загодя купленные нехитрые рождественские подарки.

Остановив разносчика газет, верзила купил свежий номер и в темноте стал осматривать вывески на ближайших зданиях в поисках магазина.

– Вот! – верзила наконец поднял руку и ткнул указательным пальцем в длинную пятиэтажку, расположившуюся метрах в ста на противоположной стороне улицы. – Это то, что нам нужно. Пошли.

Но не успели они сделать и нескольких шагов, как громадина того самого здания, куда направились работяги, прямо на их глазах стала разваливаться и со страшным грохотом стекать вниз, словно кусок расплавленного олова. Спустя несколько секунд до слуха «кокни» дошел грохот разрыва, очень похожий на хлопок полутонной авиабомбы. Однако ведь воздушной тревоги никто не объявлял...

Люди инстинктивно испуганно бросились в разные стороны, многие падали, наталкиваясь друг на друга, сбивая коляски и детей. Некоторые больше не поднимались. Мимо застывших на месте приятелей прошел молодой мужчина, неся в руках внутренности из распоротого осколками стекла живота. На морозе от них валил пар. Пройдя десяток метров, мужчина рухнул в снег. Кирпичная пыль на некоторое время скрыла происходящее.

– Что это было? – не отрывая глаз от развалин только что стоявшей громадины, спросил товарищ верзилы.

– Черт его знает...

Глава 3

Этого совещания в столичном бункере Гитлера рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, шеф люфтваффе Герман Геринг, Вернер фон Браун и несколько высокопоставленных нацистов, которые присутствовали под Па-де-Кале на первом запуске ракет «Фау-2», ожидали давно.

Работы над созданием подобного оружия вполне открыто велись еще до начала войны. Согласно Версальскому договору, Германии были запрещены разработки и производство новых видов авиационной, артиллерийской и других видов военной техники, классифицируемой как наступательное оружие. Франция, Англия и Америка тогда фактически разоружили Германию и поставили ее на колени. Однако составители этого договора в то время даже не могли предположить возможность использования ракет как средства нападения. В перечень запретов на создание наступательного оружия ракетное оружие не входило. Вот тогда-то на горизонте и появился Вернер фон Браун со своим детищем – ракетой «Фау».

Долгие десять лет барон фон Браун добросовестно тратил миллионы и миллионы рейхсмарок законопослушных немецких налогоплательщиков, создав в Пенемюнде целый город из заводских цехов, исследовательских лабораторий, испытательных стендов, поставив кустарные исследования и изыскания на широкую промышленную основу. Долгие десять лет лучшие специалисты Германии разрабатывали новые сверхмощные двигатели, принципиально новое топливо, сверхлегкие и прочные сплавы, проводя сотни удачных, а чаще неудачных опытов и запусков, дорабатывая и совершенствуя будущее оружие возмездия вермахта.

И вот сейчас на столе перед фюрером лежали фотографии из английских и американских газет о разрушениях в Лондоне, Ковентри и Брайтоне – своеобразный отчет о силе нового немецкого оружия.

Присутствующие хранили почтительное молчание, пока фюрер, довольно улыбаясь, с помощью лупы рассматривал развалины строений и изувеченные тела англичан. Рядом с Гитлером в толстой кожаной папке для сравнения лежали фотографии этих же зданий, сделанные до того, как в них попали ракеты «Фау-2». Наконец, налюбовавшись, Гитлер отложил лупу, откинулся в своем кресле и, довольно потирая ладони, ласково обратился к Вернеру фон Брауну:

– Поздравляю вас, герр конструктор! Это, – фюрер кивнул на фотографии, – великолепно! Это даже лучше того, что я ожидал! Вы гениальнее, чем я думал!

Он вскочил и в нервном возбуждении стал вышагивать по кабинету:

– Еще несколько таких налетов, и мы сломим дух этих надменных британцев. Они думают, что неуязвимы? Ха-ха! Для Германии нет ничего невозможного. Нужно довести количество запусков до ста... Нет! До тысячи в день! Мы разнесем все их заводы, все военные и стратегические объекты вдоль всего побережья! Если ваши ракеты, господин барон, действительно пролетают триста километров, мы сотрем в порошок половину Англии, и она рухнет, как колосс на глиняных ногах! Герр конструктор, что вам для этого нужно? Я имею в виду для увеличения производства ваших чудо-ракет?

Фон Браун немедленно достал из кожаного саквояжа папку и открыл страницу с закладкой. К подобному вопросу он был готов.

– Мой фюрер, – спокойно начал он. – Крупносерийное производство потребует совершенно других масштабов и поточную технологию, которую невозможно осуществить на нашей базе в Пенемюнде. В связи с этим мною разработан план строительства завода в Тюрингии близ Нордхаузена. По моим расчетам, он сможет производить до ста ракет «Фау-2» в сутки.

– Этого мало! – перебил его Гитлер. – Нам нужны десять таких заводов! И как можно быстрее! Мы заставим англичан выйти из войны! И не просто выйти, а умолять нас о мире!

– Мой фюрер, – вступил в разговор Гиммлер, – однако главную угрозу на данном этапе войны для нас представляют не англичане, а русские...

– Я это знаю, – резко обернулся к шефу СС Гитлер. – Но вы не учитываете одного и самого главного: когда такие враги деятельно сотрудничают, их силы, а следовательно, опасность для нас возрастает стократно. Стократно! Надеюсь, вам известно, что каждый третий двигатель на советских танках сделан из алюминия, поставляемого по их ленд-лизу? Каждый четвертый самолет у Советов – американского или английского производства! Морские конвои, – Гитлер шагнул к Герингу и испытующе посмотрел на него, – с некоторых пор беспрепятственно достигают русских берегов. Ваша авиация так и не смогла ликвидировать этот единственный путь поставок.

– Я сделал все, что мог, – немного сконфузился шеф люфтваффе и тут же переложил ответственность на чужие плечи. – Конвоями должен был заниматься гросс-адмирал Денниц.

– Его «карманные линкоры» оказались не столь неуязвимыми, как он предполагал, – угрюмо хмыкнул фюрер.

– Корень зла в борьбе с конвоями в том, что главная военно-морская база Советов – Мурманск – еще не захвачена, и Мурманский порт нам так и не удалось уничтожить, – подвел безрадостный итог препирательствам Гиммлер. – Русские стерегут его как зеницу ока. Подводные лодки Денница не в силах потопить каждый транспорт союзников...

Фюрер посмотрел на него пристально и много дольше, чем следовало. Шеф СС невольно пожегся под этим холодным взглядом, а Гитлер неожиданно быстро подошел к столу, снова уселся в кресло, взял лупу и более тщательно принялся рассматривать фотографии. Затем поднял голову и спросил у фон Брауна:

– Мурманск достигаем для «Фау-2» с территории, скажем, северо-восточной Норвегии?

– На пределе возможностей, мой фюрер, – Вернер мысленно прикинул расстояние, мгновенно поняв, о чем думает Гитлер. – К тому же понадобится провести довольно большие подготовительные работы: склады, топливозаправщики, столы для запуска... нужно создать всю инфраструктуру. И к тому же – в обстановке полной секретности. Если русские что-то пронюхают, их бомбардировщики окажутся в скандинавском небе гораздо раньше, чем взлетят мои ракеты.

– Сколько для этих целей может понадобиться «Фау-2»?

– Думаю, три-четыре десятка «Фау», и мурманский порт перестанет существовать. Такое количество ракет мы сможем произвести и в цехах Пенемюнде. Правда, необходимо придумать, как увеличить радиус поражения, но, думаю, с этой задачей мои инженеры справятся.

– Отлично! – Гитлер снова вскочил из-за стола. – Даю вам три месяца. Нет, два. В средствах и рабочих руках вас не ограничиваю. Используйте для строительства пленных. В этом вопросе рейхсфюрер Гиммлер окажет вам всяческое содействие. Что касается Министерства вооружения и боеприпасов – я лично и незамедлительно дам соответствующие указания Шпелеру. К марту 1944 года все должно быть готово. В 44-м у русских не должно быть нового сезона навигации!

– Мой фюрер, – обеспокоенно начал Гиммлер. – Если бы вся сложность заключалась в пленных, я не стал бы ничего говорить. Но все дело в том, что мы не можем начинать такую широкомасштабную операцию под самым носом у русских. Они сразу все поймут, и все раскроется. Несколько бомбовых ударов, и вся работа пойдет насмарку!

– Значит, надо скрыть от большевиков подготовку удара, завуалировать строительство. У вас есть человек, способный придумать и предложить план прикрытия, соответственно, взяв на себя и контроль за его исполнением?

– Так точно!

– Господа! – подытожил глава нацистов результаты совещания. – У вас на разработку плана есть неделя. Пошлите специалистов в Норвегию, определите круг задач. От вашего взаи-

модействия зависит судьба Германии! После уничтожения Мурманска я проведу неожиданный удар по Кольскому полуострову силами танковой дивизии СС «Викинг» и полностью очищу его от большевиков. А оттуда и до проклятого Ленинграда рукой подать. Мы раздавим и уничтожим его еще до лета. Это будет настоящий триумф воли Третьего рейха! Герр конструктор, – обратился фюрер к Вернеру фон Брауну, – я бы попросил вас нанести ракетный удар не только по порту, но и по городу, показать русским то, о чем пока знают только лондонцы! Соратники! Сегодня я лишний раз убедился, что война еще только-только начинается! И это будет война высоких научных открытий. Это будет наша война и наша победа!

– Хайль Гитлер! – вскочили в едином порыве присутствующие, вытянув правую руку в нацистском приветствии.

Глава 4

В характере Генриха Гимmlера была одна выдающаяся черта: он всегда держал слово, даже если это требовало колоссального напряжения всех сил его и подчиненного ему ведомства – СС. Случалось и так, что он даже «спасал» евреев, вербуя из них лучших своих агентов. Он давал им гарантии жизни – они работали на него. И слово свое держал, несмотря на недовольство фюрера, Геринга (который стремился по своему усмотрению решать, кто еврей, а кто нет) и прямые нападки абвера – ведомства Канариса.

Но сейчас задача, поставленная два дня назад на совещании у фюрера, казалась невыполнимой. В самом деле – как незаметно пригнать десятки тысяч рабочих рук, многочисленную строительную технику, возвести бараки и заграждения для военнопленных, построить жилье для специалистов, поселить ученых и обслуживающий персонал? И все это нужно сделать так, чтобы у русских и их союзников не возникло даже предположения о готовящемся ударе по Мурманску.

Здесь не фронт, где идут ежедневные передислокации частей и за перемещениями действующих войск, если только это не крупномасштабные переброски целых армий, трудно уследить. А как спрятать такую ораву людей на пустынных берегах северной Норвегии?

К тому же, будучи шефом СС, Гимmlер был прекрасно осведомлен об истинном отношении норвежцев к оккупации своей страны. Это только ведомство Геббельса представляло все в розовом свете. На самом деле ряды Сопротивления в Норвегии насчитывали несколько десятков тысяч человек. И для большой, но малозаселенной страны эта цифра была очень и очень внушительной. О том, что «нордические» норвежцы не просто саботируют работу предприятий и военных заводов, а ведут открытую партизанскую войну, – Гитлер не знал. Не хотели его расстраивать. А сколько норвежцев хоть и не боролись с оружием в руках, но сочувствовали и помогали партизанам? Поэтому сокрытие плана подготовки от скандинавов, где каждый второй житель состоял в Сопротивлении или сочувствовал ему и ненавидел нацистов, – такая задача казалась Гимmlеру практически невыполнимой.

Обо всем этом и размышлял Генрих Гимmlер, наблюдая за факельным шествием своих подчиненных в замке Вебельсбург. Рядом с ним на удобном балконе расположились еще двое из двенадцати членов внутреннего «Малого круга» – совета «Черного ордена СС» – начальник Главного управления имперской безопасности Рейнгард Гейдрих и начальник IV управления РСХА, ведающего вопросами контрразведки, Вальтер Шелленберг. Гимmlер накануне поделился с ними своими опасениями, попросил помочь, но ни тот, ни другой ничего дельного предложить так и не смогли. Да и зачем им было проявлять инициативу и впутываться в столь щекотливое дело? Разработать план поручили шефу СС, вот пусть он один и несет за него ответственность.

Факельное шествие заканчивалось, когда мрачного Гимmlера мягко взял за локоть Шелленберг и молча кивнул на человека, замыкающего процессию. Рассмотреть, кто скрывался под черным капюшоном, было невозможно, и Шелленберг пояснил:

– Побеседуйте со штандартенфюрером Меером. Думаю, это тот человек, который сможет вам помочь.

Гимmlер поблагодарил соратника по партии кивком и обернулся к своему адъютанту:

– В малом зале совета. Через десять минут.

Тот щелкнул каблуками, вытянул вперед руку и молча удалился.

– Господа, я вынужден ненадолго вас покинуть, – обратился Гимmlер к Гейдриху и Шелленбергу, поднимаясь со своего места. – Присоединюсь через полчаса. Нам сегодня предстоит обсудить целый ряд внутривнутрипартийных вопросов.

Через несколько минут он спустился в святая святых «Черного ордена СС» – малый зал совета. Собственно, сам зал не отличался ничем примечательным. Готические окна, потолки и украшения. Единственное, что могло привлечь внимание, – это огромный тридцатипятиметровый стол в центре зала, вокруг которого громоздились двенадцать дубовых стульев – ровно по числу рыцарей, членов совета. На каждом стуле имелась именная табличка с фамилией того или иного обергруппенфюрера или бригаденфюрера СС. Были здесь таблички и с именами Гиммлера, Шелленберга, Гейдриха, Шарфе, Вольфа и других высокопоставленных партийных и армейских чинов. В этом зале, в сердце эсэсовской военно-духовной организации, проходили все закрытые совещания, которые во многом определяли военный и политический курс нацистской Германии. Здесь, а не в бункере Гитлера, принимались решения о назначении командующих армиями и соединениями, здесь выносился смертный приговор тому или иному политическому деятелю, здесь проходил суд и над провинившимися членами организации СС. Свой, особый суд.

Гиммлер не зря решил провести встречу со штандартенфюрером Меером именно здесь. Приглашение в святая святых должно было лишний раз подчеркнуть, что Гиммлер намерен вести с ним доверительный и очень важный разговор.

Наконец дверь распахнулась, и в зал вошел Курт Меер. Завидев шефа СС, он остановился и почтительно выбросил вперед руку:

– Хайль Гитлер!

Гиммлер приветливо взмахнул в ответ, дружески взял эсэсовца под локоть и увлек штандартенфюрера в дальний конец комнаты. Садиться на стул с именной табличкой даже в отсутствие хозяина считалось серьезным проступком. В дальнем же конце комнаты были оборудованы удобные места для подобных бесед.

Усадив Меера на мягкий диван, Гиммлер уселся напротив и неторопливо заговорил:

– Мне рекомендовали вас как опытного специалиста по вопросам планирования и осуществления секретных операций. Буду краток и начну с главного. Два дня назад на совещании у фюрера мне была поставлена задача – уничтожить порт Мурманска.

Штандартенфюрер удивленно приподнял бровь, но ничего не сказал. Гиммлер выдержал короткую паузу и продолжил:

– Как вы понимаете, я не командующий, и в моем распоряжении нет танковых армий и артиллерии. Я также не могу организовать и массированного воздушного удара по этому порту. Но я могу кое-что другое, – он снова сделал паузу, но Меер по-прежнему молчал и слушал, не задавая никаких вопросов и не опережая события. – Речь идет об «оружии возмездия» – ракетах «Фау-2», – закончил свою мысль шеф СС.

Гиммлер снова немного помолчал и наконец разрешил:

– Можете задавать вопросы.

– Если я правильно понял, – начал Курт Меер, – речь идет об обстреле этого морского порта с территории Норвегии?

– Да, – кивнул шеф СС. – Ближе, к сожалению, ничего нет. Но дело не в том, что на полете ракеты сбиты. «Фау-2» невозможно засечь радарными или сбить с помощью истребительной авиации или других средств ПВО. Это исключено. Ракеты достигнут цели и уничтожат порт. Если только сумеют взлететь.

– Простите, – Меер задумался, – но в таком случае я не вижу, что им может помешать.

– Русские бомбардировщики. Или корабельные орудия союзников. Мы не можем просто привезти несколько ракет и запустить их с любого места. Для старта «Фау-2» потребуется создать целый комплекс.

– Понимаю, – кивнул штандартенфюрер.

– Существует огромная вероятность того, – продолжал Гиммлер, – что такая активность не останется незамеченной русскими. И как только они догадаются, что строится и для чего,

ничто им не мешает разбомбить готовую площадку вместе с ракетами или расстрелять ее из корабельных орудий. На то, чтобы подготовить план, способный усыпить бдительность русских, фюрер дал неделю. За два дня я сам так ничего и не смог придумать, поэтому обращаюсь к вам – вы способны разработать подобную операцию и проконтролировать ход ее осуществления? В средствах и рабочих руках, по распоряжению фюрера, ограничений не будет.

– Я готов предоставить вам подробный план через два дня! – штандартенфюрер встал, по-военному приложив руку к фуражке.

– О-о-о-о! – теперь вверх поползли брови Гимmlера. – Очевидно, я в вас не ошибся! Смею предположить, что вы прекрасно справитесь с этим заданием!

– Но мне необходима полная информация.

– К сожалению, – шеф СС вздохнул слегка разочарованно, – даже я не владею всей информацией. Абсолютный режим секретности. К тому же основные функции в подготовке вверены гросс-адмиралу Генриху Денницу. Он, так сказать, исполнитель. Однако я распоряжусь, чтобы вам сегодня же передали все доступные нам материалы. Требуйте все, что вам надо: карты побережья, фотографии, схемы стартовых установок. Предоставлю все, что в моих силах. По всем вопросам обращайтесь ко мне лично или решайте их через моего адъютанта. Я также переговорю с создателем ракет бароном фон Брауном и попрошу его со своей стороны предоставить вам нужную информацию. Но, как вы понимаете, здесь тоже не все так просто.

– Яволь! – штандартенфюрер высоко поднял руку с вытянутой ладонью.

Глава 5

– Я неоднократно просил не мешать мне, когда я работаю! Меня отвлекает все! И ваше присутствие, и шорох ваших идиотских меховых тапочек! Кто из вас решил, что это будет бесшумно?! Они просто грохочут по коврам! Запомните: когда я работаю, вам лучше забиться в дальний угол дома и не дышать! Пошли вон!

Отчитав слуг, министр-президент Норвегии Видкун Квислинг со злобным видом плюхнулся на роскошный диван. Он был раздражен. В последние месяцы министр-президент редко был в хорошем настроении. Казалось бы, у него есть все для беззаботной жизни: роскошный особняк с двенадцатью вышколенными молчаливыми слугами, пост министра-президента Норвегии и, значит, власть, собственная верная и многочисленная партия, главой которой он был. Казалось, целая страна лежала у его ног! В свое время он мечтал о великой, независимой и процветающей Норвегии. Он жаждал действий. Он создал правительство, в которое сумел собрать лучших сынов нации. Уже одно то, что пост министра культуры в его правительстве занимал лауреат Нобелевской премии, всемирно известный писатель Кнут Гамсун, говорило о том, что Видкун Квислинг был решительно настроен на серьезные и кардинальные шаги при проведении своей политики.

Шагов, однако, было ровно пять – по количеству дней, пока была независимость в действиях. В действительности оказалось, что у него нет ничего. Квислинг перестал быть деятельным идеалистом с того памятного дня – 14 апреля 1940 года, когда Германия объявила его страну оккупированной и назначила рейхскомиссара Норвегии – Йозефа Тербофена. С этого момента ни он, Видкун Квислинг, ни его правительство не имели ни реальной власти, ни партии, ни экономики, ни народа. Он стал марионеткой. Понимал это и злился, выплескивая злость на единственное, что у него не отняли, – обслугу особняка. Хотя и она, Квислинг в этом не сомневался, работала на немцев. Он был один, плюшевый медвежонок, подставная надувная игрушка Германии, и в надвигающейся военной катастрофе ему была отведена одна роль: ответить за все преступления национал-социалистов в Норвегии. Квислинг приветствовал приход в его страну германских войск. Он встал во главе нового пронацистского правительства, для своей страны он хотел блага и процветания, но его жестоко обманули, лишив почти всех реалий власти, и отвели ему только одну роль – мальчика для битья.

– Не на того напали! – зло прорычал с дивана Квислинг невидимому оппоненту. – За ваши делишки сами и отвечайте! А у меня для вас припрятан сюрприз. Маленькая такая подводенькая лодочка бывшего Королевского флота Норвегии. Вот она стоит себе, подальше от ваших глаз, всегда готовая отчалить, колышется на волнах... – Квислинг зажмурился и замурлыкал себе под нос, как сытый кот: – А когда вас поприжмут все равно кто: русские или англичане, – я тихо-тихо, чтобы вас не беспокоить, спущусь в нее и плюну и на эту дурацкую страну, и на этот тупой народишко, и на вас, безголовых идиотов! Мы на лодочке спустимся под воду, осторожно, по самому дну переберемся через океан и очутимся в далекой Латинской Америке, на моей запасной базе... Что еще!!! – злобно рявкнул министр-президент Норвегии на бесшумно вошедшего лакея. – Я же приказал не беспокоить меня, когда я работаю!!!

– Но это ваш капитан подводного флота, – бесцветным голосом произнес слуга. – Вы сами давали распоряжение докладывать о его прибытии в любое время суток.

– Так что ты стоишь, болван?! Впусти немедленно!

Лакей бесшумно исчез, и вместо него в апартаменты вошел высокий белокурый капитан – командир той единственной, укрытой от посторонних глаз в надежном гроте одного из многочисленных фьордов подводной лодки, подчиненной лично Квислингу.

– Господин министр-президент, вы слышали новость? – взволнованно начал капитан прямо с порога.

– Какие я могу слышать новости? – раздосадованно махнул рукой Квислинг. – Полиции у меня нет. Разведки – нет. Министра внутренних дел – нет. Министра иностранных дел – нет. А на базары и в булочные я, увы, не хожу, к сплетням отношусь отрицательно. Ну, выкладывайте свою новость. Хорошая она хоть или плохая?

– Да так сразу и не скажешь, – капитан задумчиво поскреб широченной ладонью затылок. – Немцы вчера при обстреле Лондона применили новое оружие. Они называют его «Vergeltung-swaffe» – оружие возмездия. Говорят, что британская столица очень сильно пострадала.

– Кто говорит? – поинтересовался Квислинг.

– Немцы и говорят... – капитан снова поднес руку к макушке.

– А что еще они говорят? – в голосе министра-президента прозвучали саркастические нотки. Он хорошо был знаком с понятием «геббельсовская пропаганда» и не очень доверял этому немецкому министерству.

– Да разное говорят. Об огромном ущербе, причиненном англичанам, и о новых модификациях этого оружия, которое будет способно взорвать всю планету!

– Так и говорят?

– Именно так.

– Я смею предположить, что это слова доктора Геббельса? – уточнил Квислинг.

– Его, – кивнул капитан и достал из внутреннего кармана кителя норвежский вариант нацистской газеты «Сигнал».

– Ну, так давайте лучше мы с вами послушаем новости, так сказать, – из первых рук. Узнаем, что по этому поводу думают сами англичане. – Министр-президент направился к огромному радиоприемнику в углу комнаты и настроился на волну Би-би-си.

За непринужденной беседой они дождались выхода в эфир новостей, и из динамика полилась английская речь, которую Квислинг тут же переводил для капитана:

– Это новости из палаты лордов. Это о победах англичан на море, русских на суше и скором конце фашистов вообще. А вот это, очевидно, то, о чем вы мне говорили. Я так понимаю, это высказывания Черчилля: «Применение „самолетов-снарядов“ или „оружия возмездия“, как называют их нацисты, не обусловлено никакими стратегическими соображениями. С военной точки зрения бомбардировки этим оружием Лондона бессмысленны, ибо не приносят британской армии никакого ущерба. В применении этих слепых „самолетов-роботов“ можно увидеть только одно: тупой средневековый вандализм. Эта форма атаки Великобритании, несомненно, сопряжена с новыми испытаниями, выпавшими на долю нашего народа, потому что бомбардировки проводятся в течение круглых суток. Население должно привыкнуть к ним. Мы выстоим и победим!» Ага! А дальше уже о приспешниках нацистов и обо мне. Говорят, что, мол, таким, как я, не будет пощады. – Квислинг обернулся к капитану и хитро подмигнул ему. – А что вы думаете по этому поводу?

– Субмарина в порядке! – рявкнул тот, по-своему поняв жест босса.

– Т-с-с-с! – министр-президент Норвегии прижал к губам указательный палец. – В этом доме о лодке могу говорить только я! – прошептал он, увеличил звук радиоприемника и переключил его на местную радиостанцию.

«Бандиты из местной террористической группировки так называемого „Сопrotивления“, – заверещал диктор, – повредили взрывом плотину на электростанции в Трокхаузене!»

Квислинг выключил приемник и снова направился к дивану. Капитан преданно следовал за его спиной.

– Да-а-а, – мрачно протянул министр-президент. – Похоже, в то, что Германия проиграла войну, не верит только один человек – Адольф Гитлер. Что ты на это скажешь, капитан?

– Сдается мне, что так оно и есть, – подтвердил предположение своего шефа подводник. – Немцы войну проиграют, это как пить дать.

– Весь вопрос только – как и когда? Вермахт еще силен, и сломать ему хребет будет не так уж и просто. Германия могла бы подписать мирный договор прямо сейчас! Отдали бы русским их разграбленные земли, вывели войска из Франции и, скажем, Чехословакии. Англичане и американцы бы на это пошли! И все осталось бы по-прежнему, только без войны! Но Гитлер!

– Так и Сталин не согласится, – с сомнением покачал головой подводник.

– Да кинули бы ему Болгарию и Польшу в придачу – отступился бы. Да что о том говорить! – Квислинг разочарованно махнул рукой. – А вот то, что партизаны взорвали плотину в Трокхаузене, – это скверно.

– Да, – согласился капитан. – От нее зависело почти все электроснабжение немецкой армии и флота. Сейчас им туго придется. Ни аэродром осветить, ни казармы, ни, пардон, даже солдатский ватерклозет.

– Вот-вот. Как бы лодочка наша не пригодилась прямо сейчас. А ну как в Берлине посчитают, что я плохой лидер страны? Лидер! – министр-президент горестно вздохнул и мрачно продолжил: – Как бы такому лидеру в ближайшие дни не угодить в гестапо...

– Ну не-е-ет, – подводник с сомнением покачал головой. – Охрана на электростанции не в вашем подчинении, так что, я думаю, до гестапо дело не дойдет.

– Поживем – увидим, – мрачно произнес Квислинг.

Глава 6

Шеф СС вел себя так, словно у него сегодня был день рождения и в его честь проводился, по крайней мере, грандиозный военный парад лучших частей вермахта. И парад этот принимал он сам – Генрих Гиммлер. «Маньяк жестокости» (так за глаза прозвал его Геббельс) возбужденно ерзал на стуле, то и дело похлопывал себя руками по ляжкам и протирал пенсне. На столе у него лежал план операции в Норвегии, который добросовестно и, как обещал, в указанный срок предоставил штандартенфюрер Меер. Перелистывая его, Гиммлер время от времени бросал радостные восклицания. Сам автор проекта сидел напротив, неторопливо покуривая американские сигареты.

Наконец шеф эсэсовцев перевернул последнюю страницу, водрузил на столешницу локти и, опершись головой о поднятые руки, пристально посмотрел на штандартенфюрера.

– Ве-ли-ко-леп-но! – спустя мгновение произнес Гиммлер. – Я редко расточаю комплименты, но на сей раз – браво! Я в вас не ошибся! Вы сумели учесть в своем плане необходимые аспекты. В нем есть все: скрытность прибытия основной группы, великолепная маскировка подготовительных работ и строительства объектов, оправданность такого скопления людей. Поздравляю! – Генрих Гиммлер потянулся через стол и крепко пожал руку штандартенфюрера. – Знаете, – продолжал главный эсэсовец, – мой рабочий день начинается ровно в восемь и почти ежедневно заканчивается далеко за полночь. Я не бравуюрю, но даже при моей лошадиной работоспособности мне вряд ли удалось бы до такого додуматься. И, главное, так проработать каждую мелочь. Отлично! – он еще раз искренне пожал руку собеседнику.

Штандартенфюрер достал очередную сигарету, и Гиммлер с готовностью поднес ему зажженную зажигалку.

– Я даже больше вам скажу, – продолжил он, затушив пламя. – Вам даже удалось учесть личное пожелание фюрера, которое он выразил три месяца назад. Именно тогда Адольф Гитлер настаивал, чтобы съемочная группа величайшей женщины Германии – фройляйн Лени Рифеншталь – вылетела в Норвегию и именно там, в этой нордической стране, снимала свой новый фильм «Триумф воли-2». Позвольте сигарету.

Брови штандартенфюрера поползли вверх от удивления: Генрих Гиммлер слыл одним из первых борцов за чистоту и здоровье нации, вел здоровый образ жизни и никогда не курил.

– Все верно, – угадал мысли Меера шеф СС, – но иногда, в особых случаях, я себе позволяю это излишество.

– Я, к сожалению, ничего не знал о пожелании фюрера, – пожал плечами штандартенфюрер, – и, если честно, включил в свой план фройляйн Рифеншталь лишь как один из возможных вариантов. – И после короткой паузы добавил: – К тому же – не самый лучший. Война – это все же мужское дело...

– Ну-у-у, – благодушно протянул Гиммлер и выпустил облако дыма, – войной там, слава богу, еще и не пахнет. А от местных бандитов, я думаю, вы ее уберете. Но не это главное. Поверьте, это лучший пункт в вашем плане. Вы сами даже не понимаете, какое большое дело этим совершите! Во-первых, осуществится пожелание фюрера. Он, как и все мы, без ума от творчества Рифеншталь. Он без ума и от самой красавицы Лени, – Гиммлер многозначительно улыбнулся, намекая на упорные слухи о том, что великая женщина Германии – любовница великого фюрера. – А во-вторых, – продолжал он, – мы подложим большую свинью гросс-адмиралу Денницу. Он и Рифеншталь – это кошка и собака. Из-за Лени фюрер перестал приглашать адмирала на все личные и партийные мероприятия, начиная от празднования своих дней рождений. Денниц, естественно, бесится, и приезд Рифеншталь в Норвегию для него будет «приятным» сюрпризом! – Гиммлер довольно хохотнул.

– Но я бы как раз и не хотел ссориться с гросс-адмиралом, – возразил штандартенфюрер. – Это не входит в мои намерения. Наоборот, мне нужна всяческая поддержка с его стороны. Пожалуй, стоит отказаться от поездки фройляйн Рифеншталь.

– Она полетит с вами! – довольно грубовато сказал Гиммлер, но тут же смягчился: – Дорогой Курт, я вижу, вы не в восторге от компании Лени, но поверьте, это замечательная, умнейшая и очень красивая женщина. Она, как всякая актриса, бывает само очарование и соблазн, но может быть груба и напориста. В ее обществе просто не бывает скучно. Правда, она, как всякий режиссер и тем более женщина, немного капризна, но это только придает ей очарование. Вы почитаете ее досье, из которого узнаете, какие цветы она любит больше остальных, какие духи и наряды предпочитает, и уверен, вы найдете с ней общий язык.

– А для чего мне это нужно? – недоуменно пожал плечами штандартенфюрер. – К воплощению моего плана установление личного контакта с Рифеншталь имеет весьма отдаленное отношение...

– Вижу, вы весьма негативно настроены к фройляйн Рифеншталь, но боюсь, вам придется переступить через себя. Не хотел вас расстраивать, но на вас возлагается роль личного телохранителя Лени.

– Позвольте узнать, кем возлагается?

– Мною, – дружески улыбнулся Генрих Гиммлер и пояснил: – Дело в том, что студию УФА контролирует, естественно, ведомство доктора Геббельса. Деятельное участие в судьбах кинематографа принимает и лично Геринг. По его негласному приказу сотрудникам СС запрещено появляться на студии, в этом борделе и рассаднике своеволия. Меня, конечно, мало интересуют эти актрисулечки, если они, конечно, не евреи или смутьяны. Но Лени – совсем другое дело. Она – достояние нации. Но поскольку она вращается в этом мирке искусственных райских иллюзий, где многое позволено, она отказалась от личной охраны, дабы не стать белой вороной среди этой стаи идиотов. Впрочем, – продолжал Гиммлер, – в Берлине личная охрана ей и ни к чему. Совсем другое дело далекая варварская и холодная Норвегия. Там она, как вы понимаете, будет совершенно одна, без опеки, неподалеку от фронта. Если с ней что-нибудь случится – с меня снимут голову. А я, естественно, – с вас, – шеф СС простодушно улыбнулся. Головы снимать он умел виртуозно. – Поэтому я вас прошу позаботиться о Лени. И даже не как о национальном достоянии страны, а просто как рыцарь, которому предстоит опекать слабую женщину.

– Но гросс-адмирал Денниц... – неуверенно протянул штандартенфюрер.

– Я понимаю, что это особые правила игры, но Генрих Денниц – это не ваши проблемы. Об этом я лично позабочусь. При выполнении плана на него вам оглядываться не стоит. Однако у меня есть один вопрос, – рейхсфюрер неумело затушил сигарету и опять начал перелистывать подготовленный план.

– Слушаю вас, – подобрался штандартенфюрер.

– Скажите, Меер, где, по вашему мнению, самое слабое место в этом плане? Ведь идеальных операций не бывает, не так ли?

– Так, – согласился штандартенфюрер.

– Ну, и где же здесь «ахиллесова пята»?

– Случай, – чуть подумав, ответил Курт.

– То есть?

– Если говорить вашими образами, то Рим могут спасти гуси. Десятки великолепных агентов, сотни безупречно продуманных и подготовленных операций проваливалось не потому, что где-то был недочет, а из-за обычной случайности. Скажем, не в то время пошел дождь...

– М-м-м-да-а-а, – Гиммлер на сей раз озабоченно протер пенсне. – Роль Его Величества Случая всегда была велика. Будем надеяться, однако, что на сей раз он не вмешается. Слишком высока ставка – судьба Германии!

– Я верю, что все пройдет гладко! – с пафосом поддакнул штандартенфюрер и поднялся, заканчивая разговор. Однако Гиммлер повелительным жестом снова усадил его в кресло и спросил:

– Я не могу торопить вас, к тому же непосредственно за проведение операции отвечаете вы, но дело безотлагательное. Я хочу узнать, когда предполагается вылет?

– Я думаю, – Меер глянул на часы, – на Дёнхофплац уже заканчивают погрузку съемочной аппаратуры и осветительных приборов. Фройляйн Рифеншталь просила меня подождать до двенадцати часов дня. Ей необходимо успеть закончить оформление командировочных, продовольственных и финансовых документов. Сейчас – половина одиннадцатого. Обедать вся съемочная группа будет уже в воздухе, – отчеканил штандартенфюрер.

– Великолепно! – на сей раз поднялся хозяин кабинета. – Я еще раз убедился, что не ошибся в вас. И с богом!

– Хайль Гитлер! – привычно ответил штандартенфюрер.

Глава 7

Для занимаемого поста министра-президента Видкун Квислинг вел себя по меньшей мере странно. Укутанный в непромокаемый утепленный плащ, в надвинутой почти на глаза шапке, вооруженный мощным морским биноклем, он со своим верным капитаном-подводником, укрывшись неподалеку от аэродрома, наблюдал за взлетной полосой.

– Чует мое сердце, что не закончится это добром, – в очередной раз пробормотал подводник, ежась от холода. – Попадемся на глаза патрулю – живыми не уйдем.

– Да кто посмеет тронуть главу норвежского правительства? – не отрываясь от окуляров бинокля, возразил министр-президент. – И потом – аэродром-то гражданский.

– Когда идет война, гражданских аэродромов не бывает, – продолжал препираться капитан. – А патруль документов спрашивать не станет. Сначала пальнет, а уж потом будет приносить извинения.

– Тогда уж скорее соболезнования. Так-так-так... Кажется, вот это они, – Квислинг покрутил фокусировку. – Ты говорил, что должны прибыть три самолета?

– Так точно, – подтвердил офицер, – три.

– А на посадку, мой друг, заходят четыре. Интересно, кто или что в четвертом аэроплане?

– Мне точно известно о трех, – слегка сконфузился от своей неосведомленности капитан. – В одном – «Шальке 04», любимая команда Гитлера из футбольной Рейхслиги. Буквально два дня назад все газеты писали о предстоящем товарищеском матче. Прошлый, в 1940 году, наши выиграли, хотя судья нагло подсуживал немцам. Выиграем и этот матч. На носу 1944 год, верно? Русские по всем фронтам им под зад коленкой дают, и мы тоже наподдадим! Помните мое слово. Знаете, какое у нас нападение?!

– Капитан, футболу я предпочитаю теннис, – перебил подводника Видкун Квислинг. – И запомните – лучшее нападение – это прекрасная защита. Однако о спорте мы с вами поговорим как-нибудь в другой раз. Сейчас меня интересует содержимое остальных трех самолетов.

– На двух других должна была прилететь съемочная группа кинорежиссера Лени Рифеншталь. Не знаю, что и где она там задумала снимать, скорее всего, опять что-то из оперы про нордическую расу. А кто уж нордичнее, чем мы? Немцы, правда, утверждают, что они, но снимать почему-то прутся сюда, – капитан самодовольно хмыкнул.

– Итого получается три, – снова перебил его министр-президент.

– О четвертом самолете мне ровным счетом ничего не известно...

– Вот по этой причине мы и торчим на собачьем холоде, – подытожил прения Видкун Квислинг.

Воздушные суда, между тем, один за одним приземлились, выстроились в ровную линию и начали разгрузку. Как и говорил капитан, первый самолет доставил футболистов. Их легко было узнать по спортивным курточкам с нацистской символикой и цветами немецкого флага, компактными сумкам с игровой и тренировочной формой и по сеткам, набитым футбольными мячами. Спортсменов поджидал военный автобус, в который они без задержки погрузились и споро покинули аэродром.

Из второго со своей киногруппой появилась Лени Рифеншталь. Не узнать эту красивейшую женщину Европы было невозможно. В черной блестящей меховой шубке, в шапочке с лисьим хвостом, ниспадающим на грудь, она была великолепна среди заснеженной пустыни аэродрома. Члены киногруппы направились к третьему самолету, а неповторимая Лени, разбросав руки в стороны, запрокинула голову, подставив лицо под огромные хлопья медленно падавшего снега. Все это Видкун прекрасно видел через оптику бинокля. Это, несомненно, была Лени.

Из третьего самолета члены ее команды вытаскивали и складывали прямо на снег у ожидающих грузовиков коробки с киноплёнкой, съёмочную аппаратуру, бленды, сменные объективы и целую гору осветительной техники, начиная от совсем небольших приборов до огромных прожекторов.

– Интересно, – пробормотал Квислинг, – за каким чертом ей понадобится столько света? Она что, хочет снимать о «детях солнца»?

– Это еще не все, – капитан, очевидно, расслышал его слова. – Не знаю, что она там собирается снимать, но на нашей студии ею на целых два месяца заказаны несколько лихтвагенов, камервагенов и вся имеющаяся у нас светотехника. Не знаю, чего уж они там найдут, – продолжал словоохотливый морской волк. – Студию закрыли еще в сороковом. Один мой знакомый рассказывал, что требовали снимать агитки про евреев, а когда охотников не нашлось, всех и распустили. Потом технику реквизировали на нужды фронта... Кстати, электричество эта аппаратура жрет, как свинья помой!

Капитан продолжал щеголять своими познаниями в области национального кинематографа, а Видкун Квислинг всматривался в стальную дверь четвертого самолета, который не подавал никаких признаков жизни. Он даже вырулил на посадку и стал как-то особняком, словно отделился от остальной, только что прибывшей группы.

Вот уже погрузились и покинули летное поле взбалмошные киношники во главе с гениальной Лени, а четвертый самолет безмолвствовал. Если Квислинг своими глазами не видел бы, что приземлились четыре машины, он давно бы покинул свой опасный наблюдательный пост. Но ведь должен же кто-то там быть! Хотя бы экипаж! Не пресловутый же это «самолет-робот»? А даже если это и новое секретное оружие немцев, что-то же он привез! И почему тогда этот военный секрет никто не охраняет?

Видкун Квислинг терпеливо ждал. Рядом уже молча коченел и стойкий соратник-капитан. Прошли еще долгих полчаса, когда наконец к четвертому самолету быстро подкатили шесть легковых автомобилей и из нутра аэроплана стали спускаться люди и живо рассаживаться по машинам. Разгрузка продолжалась считанные минуты, но Квислинг кое-что успел рассмотреть. Никого из пассажиров он никогда раньше не видел. За исключением одного – штандартенфюрера... как же его фамилия? Бывая в Берлине на различных нацистских празднествах, министр-президент часто видел этого ээсовца в кругах высшего военного и партийного руководства. От внимания Квислинга не ускользнуло и то, что этот штандартенфюрер запросто и, судя по всему, дружески беседовал с Вальтером Шелленбергом, Эрнстом Кальтенбруннером, Генрихом Мюллером, Адольфом Эйхманом, Мартином Борманом, Генрихом Гиммлером, Эрнстом фон Вайцзеккером, Альбертом Шпеером...

«Меер! – вспомнил Квислинг. Фамилия штандартенфюрера – Меер! Однако, кто же он такой? Ни о его служебном положении, ни о занимаемой должности я никогда ничего не слышал, – продолжал размышлять Видкун. – И прибывших с ним людей я тоже вижу впервые. Кто они? И, главное, к чему такая скрытность прибытия? Несомненно, это представители какой-то особой касты, приближенной к высшему германскому руководству. Но какой? И с какой целью они прибыли в мою страну?»

Черные лимузины покинули заснеженное поле, и министр-президент со своим верным спутником направился к своему автомобилю, терзаемый вопросами, на которые у него не было ответов. Такая представительная делегация за время правления Видкуна Квислинга Норвегию еще не посещала. Да к тому же в обстановке полной секретности.

«Ну что ж, – продолжал размышлять Квислинг, – если я помню этого штандартенфюрера, значит, и он должен узнать меня. Рано или поздно, но я сделаю так, что мы с ним встретимся. Естественно, по правилам гостеприимства штандартенфюреру будет оказан радушный прием. А там уж я постараюсь вытянуть из него все, что меня интересует».

– Надо разузнать, какие спиртные напитки предпочитает этот штандартенфюрер, – сидя в теплой машине, отдал капитану распоряжение министр-президент. – И оказать торжественный и теплый прием.

– А Рифеншталь? – уточнил капитан.

– Я знаю, что пьет фройляйн Рифеншталь, – отмахнулся Квислинг.

– Я не об этом. Если она завтра потребует сотни киловатт света, где мы его возьмем?

Плотину-то проклятым партизанам удалось повредить...

– Поверь мне, капитан, – Лени Рифеншталь здесь совсем не главная штучка. С ней у нас хлопот будет меньше всего.

Глава 8

При появлении Верховного главнокомандующего все торопливо поднялись со своих мест.

– Садитесь, товарищи, – гостеприимно позволил присутствующим Сталин сесть, и сам уселся за обеденный стол с безукоризненно накрахмаленной скатертью. Молотов, Берия, Шкирятов, Маленков и адмирал Кузнецов подсели к столу, сервированному на шесть персон, и как послушные сыновья преданно усталились на «отца народов».

Иосиф Виссарионович любил иногда приглашать на свою дачу в Кунцево членов Политбюро и командный состав армии для «дружеских обедов в семейной атмосфере». Так, он считал, укрепляется единство, понимание и доверие членов партийного и армейского аппаратов. Трапезы и в самом деле проходили весело. Сталин был прекрасным рассказчиком и прекрасно умел шутить. Многие потом, правда, часто сожалели о своем «слишком раскованном смехе», но проигнорировать приглашение на обед не осмеливался никто.

Сегодня, правда, все присутствующие были предупреждены, что нынешний обед будет носить скорее совещательный характер.

Как и положено «старшему в семье», обед-совещание открыл сам хозяин:

– Что вы думаете по поводу размещения ракет «Фау-2» в Норвегии, товарищ Берия? Насколько верна такая информация?

– У нас прекрасная и широко организованная разведывательная сеть в оккупированных прибалтийских странах, товарищ Сталин, – отозвался Лаврентий Павлович. – В том числе в скандинавских странах. Подтверждения о намерениях немцев получены из многих источников, в том числе и из правительственных кругов Германии.

– Кушайте суп, не стесняйтесь, – пригласил Верховный. – Мой повар готовит отличное харчо.

Сам он, однако, о чем-то размышляя, к блюду не притронулся.

– А скажите, Лаврентий, – снова обратился он к Берии, – как вы думаете, с какой целью немцы производят установку нового оружия именно в Норвегии?

– Насколько мне известно, планируется подвергнуть массивной бомбардировке Мурманский порт, полностью уничтожить его и сорвать предстоящую навигацию, товарищ Сталин.

– Не остро? – обратился Иосиф Виссарионович к адмиралу Кузнецову. – Грузинская кухня может вызвать слезы!

– Островато, товарищ главнокомандующий, – с готовностью подтвердил флотоводец и помахал перед слегка раскрытым ртом ладонью. Присутствующие с готовностью заулыбались.

– А как вы думаете, товарищ Кузнецов, немцы могут ударить по Мурманску? Что вы знаете об «оружии возмездия»?

– Я? – удивился адмирал. Разведка была не в его компетенции, но за все, что происходит на Балтике, отвечал он. И за военные приготовления гитлеровцев – тоже. Однако этот момент Кузнецов проморгал бесповоротно. А значит, придется отвечать. – К сожалению, ни от флотской, ни от армейской разведки никаких предупреждений не поступало. О намерениях немцев лично мне ничего не известно. Виноват, товарищ Сталин, – адмирал отложил ложку и поднялся, готовый немедленно понести справедливое наказание.

– Куда вы собрались? – удивился Иосиф Виссарионович. – Без шашлыка я вас никуда не отпущу!

– У нас есть линкор «Роял Соверен», который англичане передали нам в бесплатную аренду до конца войны. Его орудия способны разнести любой объект на норвежской территории!

– К сожалению, – пришел на помощь адмиралу Молотов, – ни нам, ни англичанам, которых немцы обстреливают уже почти месяц, ничего не известно о «Vergeltungswaffe» – «оружии возмездия». Все попытки английской разведки выявить места производства и запуска ракет пока не дали никакого результата, – министр иностранных дел доел свою порцию харчо и элегантно промокнул рот кончиком салфетки. – При изучении разрозненных фрагментов разорвавшихся «самолетов-снарядов» английские специалисты сделали предположение, что немцам удалось создать жидкостный двигатель, тягой около тридцати тонн.

– А что у нас, товарищ Шкирятов? – обратился к партийному куратору народного хозяйства Сталин.

– Работы в этом направлении ведутся самым интенсивным образом, товарищ главнокомандующий, но пока наши двигатели в тридцать раз слабее. Ни мы, ни англичане, ни американцы пока не смогли создать двигатель с тяговой силой более полутора тонн.

– Продолжайте, товарищ Молотов, – снова обернулся к своему министру Иосиф Виссарионович.

– Английские специалисты утверждают, что при таких параметрах дальность стрельбы может достигать до трехсот километров. Боевой заряд каждой такой ракеты почти полторы тонны...

– Я знаю о разрушениях в Лондоне, – остановил его Сталин. Он встал, отошел к окну и стал набивать трубку. Все прекратили стучать приборами. Вождь думал.

– Значит, – через некоторое время произнес Сталин, не оборачиваясь и не обращая ни к кому конкретно. – В принципе такой удар по Мурманску возможен.

– Подготовительные работы к осуществлению запуска уже начались, товарищ Сталин, – снова взял на себя инициативу Молотов. – Наш посол в Швеции Александра Коллонтай располагает достаточно точной информацией на этот счет.

– Мы не должны недооценивать помощь союзников, – всё так же не обращаясь ни к кому, тихо продолжал Верховный главнокомандующий. – Успешным наступлением летом сорок третьего года под Курском мы во многом обязаны их военным и продовольственным поставкам. Наше народное хозяйство еще полностью не оправилось от временной оккупации советской территории и не в состоянии самостоятельно содержать более чем двадцатимиллионную армию...

– Товарищ Сталин... – растерянно начал Шкирятов, расценив слова главы правительства как упрек в свой адрес, но Берия нетерпеливым жестом оборвал его.

– Даже временная дезорганизация Мурманского порта нанесет нашим войскам непоправимый и ничем не оправданный урон, – продолжал Иосиф Виссарионович, никак не отреагировав на порыв Шкирятова. – Мы можем лишиться огромных запасов продовольствия, стратегических ресурсов и вооружения. Накануне предстоящих летних кампаний этого допустить невозможно, – на последних словах вождь обернулся и посмотрел на присутствующих. Взгляд его не предвещал ничего хорошего ни адмиралу Кузнецову, ни Молотову, ни Шкирятову, ни Маленкову. Монолог Сталина предполагал, что они должны ответить на вопрос, каким образом они собираются помешать немцам осуществить свои намерения. Однако ни у кого из них не было по этому поводу никаких сколь-нибудь внятных соображений. Они сидели, растерянно уставившись в белизну скатерти. И только Лаврентий Павлович оставался совершенно невозмутимым. Он потянулся за шашлыком, положил его в тарелку, поперчил, не пробуя и, держа нанизанное на шампур мясо у рта, мягко ответил:

– Наш агент, который информировал Ставку о планах размещения в Норвегии фашистских ракет «Фау-2», уже действует на месте, Иосиф Виссарионович.

Глава 9

– По нашим данным, сэр, этот человек сейчас откомандирован в северную Норвегию, – генерал Эйзенхауэр вернул фотографию Гарри Трумэну.

– Вы уверены в этом? – в голосе вице-президента Соединенных Штатов проскользнула нотка сомнения.

– В планы моего ведомства входит, в том числе, и обязанность отслеживать все перемещения высокопоставленных нацистских чиновников. Абсолютно точную информацию относительно интересующего вас человека я предоставить не могу, но по последним данным – он именно там.

– Как вы понимаете, генерал, я передаю вам не столько личную тревогу, сколько серьезнейшую озабоченность господина Рузвельта. К сожалению, состояние его здоровья не позволило господину президенту принять вас лично, но я совсем недавно имел с ним длительную беседу, содержание которой и уполномочен передать вам. Присаживайтесь, – на правах хозяина пригласил вице-президент генерала, хотя и находился не в Белом доме, а как раз в одном из кабинетов ведомства Эйзенхауэра.

Генерал не заставил просить себя дважды. Он сел в ближайшее кресло и закинул ногу на ногу.

– Прошу прощения, я, кажется, занял ваше место, генерал? – без тени возмущения извинился за оплошность вице-президент и поменялся с Эйзенхауэром местами. Устроившись за своим столом, генерал аккуратно спрятал в сейф лежавшие на столе бумаги, перевернул текстом вниз некоторые документы и только после этого с готовностью подался к Трумэну:

– Я вас внимательно слушаю, господин вице-президент. Может быть, хотите чаю, кофе? Чего покрепче?

Трумэн отрицательно покачал головой.

– Могу предложить отличную гаванскую сигару.

– Пожалуй, – согласился на этот раз чиновник и, закурив, начал беседу. – Итак, господин генерал, я говорю от имени президента Соединенных Штатов Америки. Он очень встревожен положением, создавшимся вокруг морских конвоев. Конечно, в сравнении с сорок первым годом положение существенно улучшилось, но, тем не менее, наш военный и транспортный флот несет несоизмеримо большие потери, – вице-президент сладко затынулся и выпустил к потолку сизый клуб пахучего дыма. – Согласно договору по ленд-лизу, – продолжал он, – мы обязались поставлять Советам определенное количество продукции военного и гражданского назначения. Свои обязательства мы строго выполняем, но несем двойную, а то и тройную экономическую нагрузку.

– А вы умеете воевать и при этом не потерять ни одного солдата, танка или судна? – иронично спросил генерал. – Тогда научите так же воевать и меня.

– Вы не поняли, – мягко улыбнулся Трумэн. – Я говорю не о военных, а об экономических затратах.

– То есть?

– Ну, проще говоря, мы должны выгрузить в советском порту тонну груза. Мы ее выгружаем. Но от берегов США вынуждены отправлять три тонны. С учетом того, что до Сталина дойдет то, что мы ему обещали. А остальной груз немецкие подводные лодки пускают ко дну. Если учитывать объемы поставок, то мы несем колоссальные потери! В одном только 1942 году общее водоизмещение потопленных судов составило восемь миллионов тонн!

– Я располагаю и другими цифрами, – довольно холодно отозвался Эйзенхауэр.

– Поделитесь! – возбужденно откинулся на спинку кресла вице-президент.

– После разгрома немецкого надводного флота они резко увеличили производство подводных лодок. В одном только Шербуре нацисты спускают на воду по одной субмарине в день. Ежедневно подводный флот Германии пополняется десятью-двенадцатью судами. Ежедневно! Как прикажете с этим бороться? Я пока не представляю, как остановить немецкие подлодки.

– Но есть ведь еще английский флот!

– Англичане нам не помощники. После того как диверсанты-подводники из итальянской MAS отправили на дно Средиземного моря чуть ли не весь флот его величества, они вынуждены были часть своих кораблей перебросить туда, чтобы восполнить потери.

– Но они передали вам, генерал, дешифровальную машину «Ультра»! – горячился Трумэн. – С ее помощью можно прочесть любые переговоры, узнать их планы, местонахождение баз, наконец!

– Наверное, так бы оно и было, – генерал впери́л холодный взгляд в Трумэна, – если бы некоторые политики могли держать рот на замке и не выдавать желаемое за действительное. Небольшая неосторожность в устных выступлениях, в телефонных переговорах... И после этого вы приходите ко мне и начинаете выговаривать? – генерал потихоньку стал раскаляться. – У меня есть все основания полагать, что гросс-адмирал Денниц догадывается, что его планы подводной войны для нас не секрет. С некоторых пор он стал крайне осторожен. Во время боевого похода переговоры с субмаринами почти не ведутся, координаты и местонахождение баз до сего времени ни разу не упоминались! Более того. Весь обслуживающий персонал подвергся самой тщательной и многократной проверке, чего раньше, до безалаберной болтовни наших политиков, никогда не было. В результате вся – я подчеркиваю – вся! – наша сеть на немецких базах ликвидирована. Погибли лучшие мои агенты, черт бы вас побрал!!! – генерал злобно хлопнул ладонью по крышке стола и демонстративно повернулся к вице-президенту боком.

Выждав паузу, чтобы дать Эйзенхауэру остыть, Трумэн снова, на этот раз куда более мягко, заговорил:

– Я понимаю ваше состояние, генерал. Но политики, к моему великому сожалению, и в военное время остаются политиками...

– Горлопаны, – сквозь зубы процедил Эйзенхауэр.

– Согласен, – поддакнул вице-президент. – Но речь сейчас не о них. Я повторяю, что веду речь не только от своего имени, а и от имени господина Рузвельта. Как вам известно, летом следующего года планируется высадка союзных войск в Нормандии. Но эти планы могут рухнуть.

– Что еще за беда? – пробурчал генерал и нехотя повернулся к Трумэну.

– Новое немецкое оружие.

– «Фау-2»?

– Вот именно. Боюсь, что без нейтрализации этих чудовищных ракет высадка станет просто безумием.

– Согласен, – примирительно кивнул генерал, достал следующую сигару и предложил Трумэну. Оба затянулись. – Но, господин вице-президент, эту задачу по силам решить скорее англичанам, чем нам.

– Согласен, – на сей раз Трумэн сделал шаг к согласию. – Но и мы не можем не участвовать. В высадке будут принимать участие и наши солдаты.

– И как вы представляете себе наше участие?

– Английская разведка разработала план и предлагает сотрудничество. Фамилия этого человека, – Трумэн снова достал из папки портрет, – Меер. Штандартенфюрер СС. Его положение и послужной список вам, генерал, должны быть известны куда как более подробно, чем мне.

Эйзенхауэр, соглашаясь, кивнул.

– Так вот, – продолжал Трумэн. – Англичане располагают весьма убедительными доказательствами того, что этот нацист владеет почти всей информацией и касательно ракет «Фау-2», и касательно местонахождения военно-морских баз ВМФ Германии.

– Пожалуй, – генерал пытался понять, к чему идет разговор. – И что?

– Англичане предлагают открыть на него «сезон охоты».

– Убить? А что это даст?

– Выкрасть!!! – лицо Трумэна сияло от восторга. – Уж от него-то мы получим всю информацию!

– А почему бы не выкрасть Гитлера? – простодушно удивился генерал. – Тот наверняка знает побольше этого штандартенфюрера. А через линию фронта и немцы с радостью пропустят, и русские будут очень довольны.

Пыл вице-президента сильно поугас, но он не сдавался:

– Но ведь вы сами сказали, что он сейчас в Норвегии. А Норвегия – это не Берлин. И потом, он нужен нам не здесь. Допросить его можно и там.

В глазах Эйзенхауэра мелькнул огонек охотничьего азарта. Глядя словно сквозь Трумэна, он заговорил, медленно рассуждая и складывая воедино картинку будущих событий:

– А ведь не случайно он в Норвегии. Такие люди не путешествуют по странам с бухты-барахты. Русские проинформировали нас, что на северном побережье этой страны немцы разворачивают пусковые установки для «Фау-2». Зачем? Там же, среди многочисленных фьордов, находятся одна или несколько секретных баз германских субмарин, которые в последние месяцы понесли серьезные потери. И именно в этот момент штандартенфюрер направляется именно туда. Возможно, это простое совпадение, но что-то говорит мне, что это не случайно.

– Англичане того же мнения, – подтвердил Трумэн.

– Господин вице-президент, – деловито начал доклад своего плана Эйзенхауэр. – В данный момент вижу только один вариант решения поставленной задачи. Наш «законсервированный» агент в Норвегии должен получить задание выйти на местное Сопротивление и установить связь с английской резидентурой, установить местонахождение штандартенфюрера Меера и, как вы выразились, выкрасть его. Операцию по непосредственному захвату этого нациста я на данный момент предоставить не могу. Здесь нужна очень подробная информация совершенно разного рода. Но к первому пункту плана – установлению местонахождения – готов приступить немедленно!

– Прекрасно, генерал! – Трумэн потряс руку Эйзенхауэра. – Действуйте!

Глава 10

У человека, попавшего в царство фьордов, дух захватывает от грандиозной и величественной красоты. Отвесные, словно отполированные, скалы, горы с ледяными шапками. С горных вершин почти круглый год несутся стремительные водопады, вода в заливах почти прозрачная. У подножий скал разбросаны небольшие деревушки, поселки.

У одного из таких поселков можно было увидеть обычную для этих мест картину: возле небольшого деревянного причала плавно покачивался на волнах небольшой рыболовецкий сейнер. Заканчивалась путина, и рыбаки спешно выгружали пойманную сельдь, чтобы успеть сделать еще несколько ходок. Заправляет разгрузкой высокий потомок викингов, с выправкой бывшего военного моряка. Бывшего военного можно распознать в нем еще и потому, что подзадоривает он артельщиков командами, которые используют только на военных судах.

Наконец последние килограммы рыбы выброшены в береговые судки. Жены и подруги послушно стояли в стороне, дожидаясь окончания работы. Потом передали мужчинам небольшие узелки с провизией, и рыбаки сели за небольшой столик, сооруженный прямо на причале, – перекусить перед следующим рейсом и немного передохнуть.

– Хороший нынче улов, – открыл дискуссию один из рыбаков, ни к кому не обращаясь.

– Улов-то хорош, да только ничего мы с него не получим, – поддержал беседу бывший военный моряк. Узелка у него не было, видно, снедь передавать было некому. Он набил глиняную трубку и закурил, дожидаясь, пока его товарищи выложат домашнюю провизию.

– С чего это ты так решил, Юхо? – спросил у бывшего вояки самый молодой артельщик, которому на вид было не больше семнадцати лет.

– А ты когда последний раз бывал в городе? – в свою очередь поинтересовался бородач.

– С тех пор как немцы забрали отца, мне в город выбираться некогда, сам знаешь. Семью надо кормить, – ответил мальчишка.

– А я вот, – потянулся к бараньей ноге Юхо, на время отложив трубку, – перед самой путинной был в столице. Так вот, по приказу рейхскомиссара, этого немецкого выроodka, все без исключения рыболовецкие артели обязаны сдавать сельдь... э-э-э, я бы сказал – задаром, но это будет очень дорого!

Рыбаки, кто был в курсе этого постановления, дружно расхохотались уместной шутке товарища, хоть веселого для них в приказе Йозефа Тербофена было мало. Весь улов практически конфисковывался для нужд Третьего рейха и вермахта. Многие артельщики, узнав об этом, старались просто не выходить в море – работы и на берегу хватало, но за поставками зорко следили нацистские холуи, примерно наказывая недовольных.

Рыбаки дружно и с аппетитом поглощали разложенную на столе снедь, не разбирая, кому и что принесли, – в море все общее, таков закон. Быстро перекусив, мужчины потянулись к кисетам и так же, как и ели дружно, дружно задымили.

– Как будем зимой жить? – озабоченно пробасил один из артельщиков. – Без денег, пожалуй, голодать станем, а, Юхо?

– На рыбе и будем жить, – откликнулся бывший военный. – Надырявим во льду лунок да будем мелочь таскать. Кому, может, и для рынка что останется. Подадутся ваши бабы в торговки.

– Да-а-а, – разочарованно протянули сразу несколько голосов.

– Только у меня за прилавком стоять некому, – продолжал Юхо, – а сам я ни в жизнь за него не стану.

– Отощавешь – девки любить перестанут, – усмехнулся его товарищ.

– Не перестанут. У девок-то сейчас и ухажеров не осталось, – неожиданно зло откликнулся Юхо. – Под гребенку в армию ташат. Про дивизию «Викинг» слышал?

– Слышал, что есть такая.

– Ох, как нравится немцам совать ее под гусеницы русских танков! Все дырки нашими парнями латают. Своих-то, небось, берегут.

– Вот сволочи, – откликнулся самый пожилой рыбак и покачал головой.

– Здорово мы им, видно, насолили тогда, три года назад, при славном короле Хаконе, что они до сих пор на наших парнях отыгрываются! – сжал огромные кулачищи бывший военный. – Мы тогда, в сороковом, с англичанами пустили на дно «Данциг» и «Кенигсберг» – два новейших их крейсера. И как пустили! Ох, помню, какой визг тогда подняли их газеты! – Юхо довольно улыбнулся. – Как же! Братья-норвежцы, можно сказать – одна кровь, воюют против нацистов! Не любят их! Топят, видите ли! А за что их любить? За то, что рыбу для своих солдат забирают, а мы должны с голодухи помирать? Поганая у них кровь, вот что я вам скажу.

– Да-а-а, – снова зазвучал разноголосый хор.

– Вы-то, может, и выкрутитесь, – деловито пыхнул трубкой Юхо, – а мне, бобылю, здесь точно придется ноги протянуть. После путины подамся в город.

– Так и будешь с места на место кочевать? – снова спросил пожилой рыболов. – Остепенился бы. Женился.

– Я бы женился, да при таком раскладе не один протяну ноги, а уж вместе с женой!

Артельщики снова дружно захохотали, представив Юхо, протянувшего ноги. Как ни сурова была их жизнь, как ни били их обстоятельства, но людьми они были открытыми – смеялись, когда весело, печалились, когда приходило горе.

Невдалеке брякнул велосипедный звонок, и рыбаки дружно обернулись в ту сторону, напрягая зрение. От поселка катил мужчина, укутанный по самые глаза в шубу и шарф.

– Кажись, чиновник из мэрии, – первым рассмотрел подъезжавшего малец.

– Интересно, по какому случаю сейчас? – встревожились артельщики.

– Да, наверное, какой-нибудь новый приказ везет: постановлено, что отныне перед жирным этим немецким холуем Квислингом все норвежцы должны ходить только на коленях! – предположил Юхо, но на сей раз никто не засмеялся. Никто не ждал от таких посещений ничего хорошего. Но на этот раз новость была сравнительно безобидной.

– Выходить в море запрещено, – сквозь плотный шарф пробубнил чиновник, не слезая с велосипеда.

– Вот еще новости, – удивился Юхо, – на них бесплатно работаешь, так и это не подходит.

– А что, можно по домам сидеть? – с надеждой спросил парнишка-рыболов. Тягаться со взрослыми ему было тяжело. Да и этот непосильный труд, как оказалось, был напрасным.

– Приказано завтра всем артельщикам прибыть в Осло на столичный стадион... – выкрикнул чиновник, чтобы его все услышали.

– А что, немцы теперь там расстреливают и пытаются? – спросил Юхо, и моряки дружно загоготали.

– ...где завтра состоится футбольный матч! Проверять будут каждого по списку! – закончил чиновник, живо уселся в седло и завертел педалями, держа путь к следующему заснеженному поселку.

– Вот еще забота! Ну, хоть так. Все ж не очередная обираловка. Интересно, кто играет? – разноголосо загудели рыболовы, обсуждая услышанную новость.

– Ну, что ж, братцы, – зычно подытожил обмен мнениями бывший военный моряк Юхо, – видать, сам бог решил, чтобы я подался в город. А ну-ка, артельщики, айда за мной! Сегодня с меня отходная! Выпьем за мое здоровье! Всех угощаю!

Глава 11

Гвалт на стадионе стоял невообразимый. Затея немцев, которая сначала так не понравилась рыбакам, сейчас явно пришлась им по душе. И дело было не только в футболе, хотя и в нем тоже. Матч удавался скандинавам. Несмотря на явно провокационное судейство, на совершенно несправедливо назначенный пенальти, на то, что судейский свисток оживал лишь для того, чтобы оштрафовать исключительно норвежцев, потомки викингов в пух разделявали «высшую расу избранных людей». Да еще команду, которую курировал лично Адольф Гитлер и руководство СС, – знаменитую «Шальке 04»!

Это обстоятельство, конечно же, тоже привносило особый привкус в неотвратимо надвигающуюся победу нордов, но и оно не было главным. Ведущую роль сыграло скопление огромного количества народа, объединенного единым порывом, духом сопротивления, борьбы и победы. Это состояние передалось каждому, кто пришел в этот день на столичный стадион.

Норвежцы, и это ни для кого не было секретом, недолюбливали нацистов, выражая свое отношение к пассивным неприятелем существующего режима, а кто вступлением в ряды бойцов Сопротивления. И здесь, на спортивной арене, эти чувства северного народа выразились в полной мере. Немцы слишком поздно поняли свою ошибку. Те несколько секторов, выделенных для германских болельщиков, главным образом – солдат, вначале пытались как-то проявить свои эмоции, но быстро угомонились под бурным натиском варягов и сейчас благоразумно помалкивали. Военная полиция шныряла возле трибун и по ним, но поделаться ничего не могла, ибо в небольшой толпе можно выявить, схватить и наказать зачинщиков, а как накажешь несколько десятков тысяч? И, главное, – за что?

Норвежцы свистели и улюлюкали, распевали свой национальный гимн, во всю глотку высказывали свое мнение о Гитлере, о Квислинге, об арбитре в частности, и обо всем, что они думают о нацистах в целом.

Здесь царил дух свободы слова, и скандинавы использовали его в полную силу своих просоленных морем легких.

Артельщики во главе с бывшим военным шкипером Юхо тоже находились на трибунах и, отметившие «отходную» вчера и подогретые спиртным с утра, орали и бесновались громче всех по каждому поводу и без него.

Вчера, за кружкой хорошего пива, разбавленного проставленным Юхо спиртом, вынужденные бездельничать рыбаки не стеснялись почти так же громко, как сейчас на стадионе, поделиться своим мнением об этой идиотской войне, о правителях и правительствах, о своих горестях.

Интересовались, не передумал ли такой в доску свой парень, как Юхо, – уходить из артели, и куда он подается в городе. Некоторые предлагали остановиться у своих знакомых или родственников. Бывший шкипер отшучивался, подливал спирт, брал адреса, но о своих планах помалкивал. Впрочем, скандинавы – народ, уважающий чужую личную жизнь, и бывшие соартельщики с лишними расспросами не лезли.

Настроение вечеринки рыбаки принесли с собой на стадион, и теперь отмечали не только каждый гол, но и каждый удачный финт своих форвардов, распаляясь с каждой минутой все больше.

Юхо же, вооружившись огромным морским биноклем (память, как он говорил, о военном прошлом), громкоподобно и в деталях комментировал перипетии борьбы.

– У судьи, наверное, свисток сломался! – орал он всем, кто его слушал. – Наши ему говорят, что это немец бил не владеющего мячом, а он свою дудку рассматривает! Да так внимательно, будто в первый раз видит!

– На мыловарню его! – потешались рыбаки. – С поля! Отдайте мне его в юнги! Я из него хорошего человека сделаю! – И на поле, метя в арбитра, летела разная оказавшаяся под рукой дрянь.

– Да оставьте вы его в покое! – урезонивал Юхо. – Не он же судит, а вон те, которые расселись в почетной ложе, – он отвел бинокль с поля и направил его на немецкие трибуны.

– Ребята! Гляньте! И наш жирнозадый министр-президент здесь! Квислингу – гип-гип!

– Ура! Ура! Ура! – издевательски проорали рыбаки и залихватски засвистели.

– Интересно, за кого он болеет? За наших или за тоже наших?

И эта шутка пришлась рыболовам по душе.

Юхо между тем внимательно изучал лица людей, занимавших почетную ложу для гостей. Рядом с министром-президентом Видкуном Квислингом сидела сама Лени Рифеншталь. Он сразу узнал известную каждому мальчишке кинодиву. К тому же все нацистские и местные газеты совсем недавно в один голос трубили о приезде великого кинорежиссера и о начале съемок нового фильма. Так что ее присутствие на трибунах стадиона бывшего шкипера не озадачило.

Но Юхо интересовал не Квислинг и не Рифеншталь. Он тщательно разглядывал лицо каждого, кто находился в ложе. Шкипер был уверен, что тот, кто ему нужен, сегодня должен находиться именно здесь, в этой ложе.

– Есть! Вот он! – чуть слышно прошептал бывший вояка. Впрочем, даже если бы он говорил громко, вряд ли кто услышал бы его из-за невообразимого гвалта. Норвежцы побеждали нацистов по всем статьям, и стадион, охваченный единым порывом, став из тысяч глоток одной общей, начал трубно отсчитывать секунды последних минут встречи.

В это время Юхо сделал какой-то своеобразный знак, и из скопления людей, стоящих в межсекторном проходе, отделились два крепкого телосложения норвежца с узнаваемой, такой же, как и у него, военно-морской выправкой. Активно работая плечами, они стали продираться сквозь скопление народа.

Следом, не дожидаясь финального свистка горемычного арбитра, с трибуны стал спускаться Юхо.

Глава 12

Каменный мешок Согнефьорда, окруженного со всех сторон высокими, почти отвесными скалами, десятикратно усиливал тарактение катерного мотора, тревожа оставшихся на зимовку северных птиц. Они плотной стаей кружили над судном, сопровождая пассажиров злобными криками.

Случайных норвежцев, находившихся на берегу, в отличие от птиц привлекало другое обстоятельство – то, что катер был прогулочный, а не военный. Последние несколько лет туристов в Норвегии не было, а прогулочные катера сменили ощерившиеся орудийными стволами вооруженные субмарины.

Впрочем, долго зеваки не размышляли и, проводив катер взглядом, шли по своим делам дальше.

И, тем не менее, это была именно туристическо-деловая прогулка. На борту суденышка удобно расположились министр-президент страны Видкун Квислинг, штандартенфюрер СС Курт Меер и Лени Рифеншталь. Именно по ее настоянию рейхскомиссар Норвегии Йозеф Тербофен выделил этот катер для осмотра мест будущих натуральных съемок. Гидом в этом небольшом круизе выступал Квислинг, а управлял судном его доверенное лицо – капитан-подводник.

– Это самый длинный фьорд в мире! – с гордостью провозгласил министр-президент и сделал царственный жест рукою, указывая на окружающее пассажиров великолепие природы. – Если вы захотите, – обратился он к Лени Рифеншталь, – то мы сегодня сможем посмотреть еще и Неэйрофьорд – самый узкий фьорд в мире. Уверяю вас, там есть свои прелести. И может оказаться, что это как раз то, что вам нужно для съемок.

– Для съемок, господин Квислинг, мне в первую очередь нужны пятьсот мужчин нордической внешности в возрасте от тридцати до сорока лет, – голос великой Лени был прохладен, как вода за кормой катера.

– Хоть тысячу, – приятно улыбнулся Видкун и добавил: – И это недорого вам будет стоить.

На каменном лице Рифеншталь отразилось удивление:

– Недорого стоить? Вы, кажется, имеете наглость говорить о деньгах? Или я что-то не так поняла?

Квислинг, как и всякий неглупый человек, кое-что знал о кинематографе. В частности, что это очень дорогое удовольствие, особенно когда снимаются исторические или батальные картины. Дорого стоят костюмы царей и римских императоров. Дорого обходятся люди, которые изображают толпу, полки или даже целые армии. Судя по вопросу Лени, министр-президент понял, что в намерения фройляйн Рифеншталь входит снять картину именно из последней категории, поэтому, опять же, как всякий неглупый человек, он лелеял надежду пополнить за счет немцев свой более чем скромный государственный и личный бюджет. Резкий ответ режиссера шел вразрез с его планами, поэтому Квислинг немного растерянно глянул на штандартенфюрера, надеясь получить от него, представителя власти, разъяснения по поводу полномочий Рифеншталь. Штандартенфюрер, однако, молчал, ироничной улыбкой реагируя на препирательства спутников, и просто наслаждался видами окрестностей. Квислинг расценил это молчание по-своему:

– Извините, фройляйн Рифеншталь, – обратился он к богине кинематографа с подобострастной улыбкой, – я не очень хорошо говорю по-немецки. Очевидно, вы не так меня поняли!

– Я не заметила в вашей речи ни малейшего акцента, – Лени по-прежнему была холодна.

– О! Акцента, может быть, и нет, ведь нордические расы языково близки друг другу...

Рифеншталь презрительно фыркнула.

– ...но языки, согласитесь, несколько отличаются. Особенно в построении фраз. Боюсь, уважаемая фройляйн Рифеншталь, что вы все же не так меня поняли. Или, точнее, я не так выразился.

– Так выражайтесь, черт возьми, яснее! – Лени начинала сердиться. Прогулочный катер она вытребовала исключительно с одной целью – избавиться от присутствия войны. Но наслаждаться красотами окружающей природы ей было некогда. Она работала, подбирая для будущей картины планы, известные и понятные только ей одной. И навязчивая роль добровольного гида, которую посчитал необходимым взять на себя Видкун Квислинг, отвлекала и раздражала ее.

– Под выражением «недорого стоить», – продолжал заглаживать свою оплошность министр-президент, – я подразумевал тот объем работ, который предстоит вам сделать.

– Мне? – снова удивилась Лени.

– Может быть – не вам, – Видкун злился на себя. Злился, что ему, первому лицу государства, приходится унижаться, оправдываясь перед этой гитлеровской выскочкой. – Может быть – вашим помощникам или ассистентам. Ведь кто-то же должен будет выбрать из, скажем, двух тысяч мужчин типажи, подходящие для вашей будущей гениальной картины? При всем моем уважении к вам и любви к кинематографу я этого, увы, сделать не смогу, – Квислинг закатил глаза, изображая из себя полного профана на фоне гениальности великого режиссера.

Штандартенфюрер откровенно пытался сдержать смех, но у него это плохо получалось. Рифеншталь уже надоела пустая болтовня этого ожиревшего правителя, и она коротко закончила разговор:

– Пока что мне от вас нужно только пятьсот мужчин. Все остальные вопросы вы будете решать по мере их поступления.

– Для великого искусства я готов на все! – Квислинг попытался отступить достойно.

Лени продолжила осматривать местность.

– А это что там такое? – вдруг спросила она у спутников и указала рукой на группу людей, копошащихся на невысоком гребне одной из скал и четко различимую на фоне неба даже невооруженным глазом. – Давайте-ка подойдем поближе.

– Позвольте, – министр-президент попросил у режиссера бинокль, однако она сама уже приладила его к глазам, покручивая настройку фокуса.

Ни Квислинг, ни Лени Рифеншталь не ожидали столь быстрой и неожиданной реакции только что беззаботно улыбавшегося штандартенфюрера. Он резко положил на бинокль руку, перекрыв большим пальцем окуляры, и сильно, но аккуратно заставил режиссера опустить оптический прибор вниз:

– Простите, фройляйн Рифеншталь, но туда смотреть нельзя, – штандартенфюрер извинительно улыбнулся.

– Что такое?! – Лени попыталась, чтобы ее голос звучал подобно громовым раскатам и в то же время был холоден как ледяная глыба, и попыталась вырвать бинокль из рук офицера, но штандартенфюрер не обратил на вибрации ее голоса ровно никакого внимания:

– Туда смотреть нельзя, – мягко, но очень настойчиво запретил Курт Меер. – Секретный объект.

Руки женщины он, однако, отпустил, но Лени поняла, что смотреть туда действительно не стоит. Однако она все-таки успела очень хорошо рассмотреть охранников в эсэсовской форме и людей в полосатых робах заключенных, которые таскали какие-то мешки и носились с тачками, груженными красным огнеупорным кирпичом.

– Я не буду туда смотреть, – пристально глядя на штандартенфюрера сквозь хорошенькие сжатые губы произнесла Рифеншталь. Она не любила, когда ей перечат и тем более когда приходилось уступать. – Однако мое женское любопытство не дает мне покоя. Может быть, вы удовлетворите его, герр Меер?

- Постараюсь, – обворожительно улыбнулся штандартенфюрер.
 - Тогда скажите, с каких это пор секретные военные объекты строят заключенные?
 - Всегда, – ответил Меер.
 - А как же пресловутая секретность? Не боитесь, что они раскроют ваши планы?
 - Мертвые не болтают, – пожал плечами Курт.
- Штандартенфюрер, как всегда, был предельно искренен.

Глава 13

К этой операции командующий Северным флотом адмирал Кузнецов готовился с особой тщательностью. Он слишком хорошо помнил недавний «дружеский обед» на подмосковной даче Сталина в Кунцево. И достаточно трезво осознавал, чем для него может обернуться такая беседа. То, что он прогляпил подготовку немцев для установки и запуска ракет «Фау-2» по Мурманску, запросто могло стоить ему головы. Что такое его Северный флот без единственного оставшегося, отлично оборудованного порта? Есть еще, правда, Архангельск, но из-за слишком короткого периода навигации он просто не справится с тем объемом поставок, которые предусмотрены по ленд-лизу. Да и Сталин никогда не простит ему совершенно неоправданную потерю мурманской артерии.

Фронтальная разведка, а адмиралу была подчинена именно она, вовсе не обязана, да и не может искать объекты за почти триста километров от линии фронта. Это дело совсем других ведомств. Но как скажешь об этом Верховному главнокомандующему?

После беседы со Сталиным Кузнецов решил переговорить с Лаврентием Павловичем. Сказав, что его агент действует на территории строящегося объекта, Берия дал понять, что может помочь Кузнецову. Адмиралу необходимо было только узнать точное местоположение объекта, а уж как его уничтожить, командующий Северным флотом знал.

Берия редко пускал кого-нибудь в дела своего ведомства, предпочитая действовать по принципу: «Это тебе нужно? Вот ты сам и решай». Но на этот раз, к удивлению, он пошел навстречу адмиралу.

И вот этой ночью к побережью северной Норвегии приближалась небольшая советская эскадра. На флагштоке бывшего британского линкора «Ройал Соверен» теперь реял стяг Военно-морского флота СССР и вымпел, означающий, что на борту означенного линкора находится командующий Северным флотом лично. Охрану флагманского корабля обеспечивали три эскадренных миноносца, а под водой – две субмарины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.